

Переводы для «Вертикали. XXI век»

Миле МЕДИЧ

Сербия

Миле Медич родился в 1933 году в г. Книн (Хорватия). Литературоведение и языковедение изучал в Загребе (столица Хорватии), защитился в Белградском университете. Часть литературных трудов Миле Медич посвятил малой родине: роман-поэма «Камень с Динарь», «Книн Краина» (о дискриминации, изгнании и уничтожении сербского народа в 1991-1995 гг.). Миле Медич черпал вдохновение и в золотом сербском средневековье династии Неманичей, создав выдающиеся литературные произведения: «Венки Неманичей», «Завещания Стефана Немани» (лучшее произведение сербской литературы за последние полвека), роман «Многая лета». Серьезное внимание Медич уделял сербскому языку. Его книги «Наличие иностранных слов на сербский язык» (в 2000 году получила премию «Нолита»), «Обманы и заблуждения защитников сербских слов» были приняты широкими слоями народа как призыв к защите сербского языка. В труднейшие времена Медич основал драгоценную «Языковую трибуну» в Союзе литераторов Сербии. В соавторстве с супругой Лелой им была написана замечательная книга «Сербские имена — сербским детям» о происхождении, значении и древности 7500 имен. В разные годы им созданы путевые заметки «Канадский род Неманичей», трактаты и статьи о литературе, изобразительном искусстве, театре, иных сферах культуры и жизни народа Сербии. В августе 2022 года Миле Медич отошел в мир иной.

ЗАВЕЩАНИЯ СТЕФАНА НЕМАНИ

Завещания обращены к третьему сыну Стефана Немани Растко. Оба прославлены Сербской православной церковью в лике святых. Стефан — как преподобный Симеон Мироточивый, за три года до смерти принявший схиму и почивший в афонском монастыре Хиландар. Впоследствии его мощи были перенесены в мужской монастырь Студеница Жичской епархии Сербской православной церкви, где находятся и поныне. Растко Неманич прославлен в лике святителей с именем Савва, в честь которого построен величественный собор в центре Белграда и названа ведущая к нему улица.

Говоря об одном святом, совершенно невозможно не сказать хотя бы несколько слов о другом, ибо это не только отец и сын, великий жупан (князь) и великий святитель, самоотверженный борец за независимость Сербии и мудрый духовный наставник сербского народа, оба строители монастырей и храмов, хранители национальных традиций и, конечно же, особо чтимые святые Сербской православной церкви.

Стэфан I Неманя родился в 1113 году в Рибнице (ныне Подгорица в Черногории) в семье жупана (князя) Завиды, после гражданской войны бежавшего из Рашки (великой жупы — великого княжества).

Неманя был четвертым сыном. Его отец исповедовал православную веру, но, поскольку в Дукле (княжестве Черногории) в то время не было православного священства, Неманю крестил католический священник.

После возвращения в Рашку Неманя был заново крещен в православной Петровой церкви в Расе. В то время это был единственный епископ-

ский храм в стране. Впоследствии он стал одним из главных религиозных центров Рашки. В ту пору Рашка была небольшой горной, лесистой страной, с долинами в предгорьях. И хотя Рас формально считался столицей, великому жупану из опасения за свою жизнь и жизнь семьи постоянно приходилось менять место нахождения своего двора. Приграничные районы именовались Краинами и вели самостоятельную жизнь. Население занималось скотоводством, бортничеством и немного земледелием.

После женитьбы Стефан получил в управление часть земель на восточной границе Рашки. Византийский император пригласил Неманю для беседы, оказал ему торжественный прием и дал в управление принадлежавшие Византии южные земли близ Лесковаца, чем настроил против Стефана старших братьев. Поскольку в семье великого жупана шла постоянная борьба за власть, византийский император сам назначал великих жупанов и смещал их, если они начинали вести независимую политику или выступали против империи.

После собора сербской знати, в который входили страшные братья Немани, Стефан вместе с прибывшей с ним свитой был арестован и заключен под стражу. Однако ему удалось бежать. Он стал собирать войско. Напуганные этим старшие братья вместе с единомышленниками бежали в Византию. Император поддержал беглецов, отправив с ними войско наемников. Чтобы не допустить вторжения в родные земли, Неманя вышел с войском навстречу неприятелю. Войска встретились у Пантина близ Звечана (город в Косове). Войско наемников было разбито. После этого сражения у Стефана Немани не было соперников в стране, и он тут же приступил к объединению сербских земель.

До начала правления Стефана Немани никто в Европе не воспринимал Рашку всерьез. Европейцы считали её дикой горной страной, в которую иногда вторгались византийские войска для подавления очередного восстания. В результате титанической деятельности Стефана Немани Рашка стала мощной, развитой державой на Балканах, с которой вынуждены были считаться соседи.

В 1196 году Неманя созвал в Расе собор, на котором объявил о передаче власти среднему сыну Стефану. Младший сын Растко к тому времени был пострижен в монахи с именем Савва в русском монастыре на Афоне. После передачи власти Стефан Неманя постригся в схиму с именем Симеон и около года провёл в монастыре Студеница. Вместе с младшим сыном Саввой Неманя воздвиг монастырь Хиландар на Афоне, в котором провел последние годы жизни.

13 февраля 1199 года инок Симеон отошел ко Господу. Его заслугам как основателя Сербского государства было отдано должное православной церковью и укрепило авторитет правящей династии Неманичей.

От княгини Анны у Стефана было трое сыновей — Вукан, Стефан и Растко и столько же дочерей — Ефимия, Вука и Елена.

Преподобный Симеон назван Мироточивым по причине мироточения в древние времена его мощей. Он единственный во всём мире основатель династии, которая дала много святых и называется в сербской истории «Светородной лозой Неманьиной». Сыновьями преподобного Симеона Мироточивого были святой Савва Сербский (1169 — 1237) — основатель Сербской Церкви и святой Стефан Первовенчаный (1196 — 1228) — первый сербский король, венчанный на царство по православному обряду в 1221 году в Жичском монастыре. Его наследниками были святой Стефан Радослав (1228 — 1234) и святой Владислав (1234 — 1243). Затем королем был святой Урош Великий (1243—1276). Ему наследовали сыновья: Драгутин (1276 — 1282), добровольно оставивший престол и принявший монашество с именем Феоктист, и святой Милутин (1282 — 1321). Оба брата прославились как великие защитники Православной веры. Сыном святого Милутина был святой мученик царь Стефан Дечанский (1321 — 1331), а внуком мученика Стефана был святой царь Урош Несильный (1355 — 1371). Светородная лоза Неманичей — своего рода чудо.

Вкушающие плоды от посаженной преподобным Симеоном в Хиландарском монастыре виноградной лозы получают исцеление от бесплодия. Особенность виноградной лозы заключается не только в том, что по преданию ей уже 800 лет, но и в том, что каждый год на ней одновременно появляются пять разных сортов винограда, что уже само по себе чудо.

Преподобный Симеон — удивительнейший пример управления страной и народом и этим напоминает русскому читателю святого благоверного князя Александра Невского. 27 января 2021 года в Белграде Стефану Немане был воздвигнут грандиозный памятник. Фигуру великого государственного деятеля и святого изваял победивший на международном конкурсе русский скульптор Александр Рукавишников. Памятник был водружен на Савской площади перед старым зданием железнодорожного вокзала, которое было передано Историческому музею.

Святитель Савва (по-сербски Свети Сава, в миру Растко Неманич, 1169 — 14 января 1236) — один из самых чтимых святых Сербской православной церкви. Он является основателем автокефальной Сербской православной церкви и её первым архиепископом с 1219 года.

Растко Неманич родился в горах Голии возле современного города Нови-Пазар. В юном возрасте он ушел на Афон и принял постриг с именем Савва. Первое время подвизался в русском монастыре, потом перешел в греческий монастырь Ватопед. После отречения от престола Стефан Неманя присоединился к сыну с монашеским именем Симеон.

Вдвоём они воссоздали монастырь Хиландар на Афоне. Построенный на средства сербской знати в конце XII века, монастырь впоследствии стал центром сербской монашеской жизни. В настоящее время это один из самых известных монастырей Афона и является одним из самых значительных в жизни сербской патриархии, хотя и подчинён Константинопольскому патриархату.

После смерти отца Савва вёл аскетический образ жизни. Он подвизался на Афоне до конца 1207 года. В память об отце написал «Житие святого Симеона». Мать Саввы Анна также приняла монашеский постриг в 1196 году с именем Анастасии. Скончалась в 1200 году, канонизирована как преподобная Анастасия Сербская.

В 1208 году Савва прибыл в Сербию, чтобы положить конец междоусобице между двумя старшими братьями, а затем был рукоположен в епископы патриархом Мануилом I и принял за устройство Сербской православной церкви. Он учредил восемь новых епархий, епископами которых поставил своих учеников — подвижников Хиландара и Студеницы. Во все концы сербских земель были посланы священники для проповеди христианской веры и крещения. Жизнь монастырей устраивалась по уставу Афонской горы, монастырей Малой Азии и Палестины. После окончания строительства Жичского монастыря, в него была перенесена архиепископская резиденция.

В 1234 году архиепископ Савва предпринял паломничество в Иерусалим, оставив вместо себя наместника. В Палестине владыка основал монастырь Святой Архангел и больницу для православных паломников. Возвращаясь на родину через Болгарию, святитель занемог и преставился 14 января 1236 года. Сначала он был похоронен в болгарской столице Тырново. Через год племянник святителя сербский король Владислав перенёс его мощи в монастырь Милешева.

В 1594 году Коджа Синан-паша вывез мощи святителя в Белгради 27 апреля сжёг на холме Врачар.

После освобождения при помощи России в 1878 году от османского ига сербский народ решил построить на месте сожжения мощей посвящённый святителю Савве храм в знак благодарности за всё, что он сделал для своего народа и церкви.

Однако строительство началось только в 1935 году. К 1939 году были возведены двенадцатиметровые стены, но из-за Второй мировой войны строительство приостановилось. Оно не возобновлялось за всё время социалистического строя на Балканах и только в 1985 году наконец было продолжено. В 1989 году был возведён купол, а в 2004 году завершены основные строительные работы. В марте 2008 года освятили придел в честь святых мучеников Ермила и Стратоника. В последующие годы русские и сербские мастера занимались работами по украшению мозаикой главного придела и алтарной части, которые завершились в сентябре 2020 года, в следующем году были окончательно завершены все отделочные работы. В настоящее время это крупнейший православный храм на Балканах и один из самых больших в мире. Образцом послужил собор Святой Софии в Стамбуле.

Память святителя Саввы Сербской церковью совершается 14 (27) января (день преставления), Русской православной церковью — 12 (25) января. В 2018 году в России, в Екатеринбурге, был воздвигнут храм Святителю Савве Сербскому.

В Сербии Савву величают «святým равноапостольным и богоносным отцом и святителем», «подвижником и просветителем», «первым архиепископом» (достоинство архиепископа в Сербской православной церкви считается первым после патриаршеского и выше достоинства митрополита). Сербское православие называют «Святосавием». И хотя сербы приняли христианство давно, именно святителю Савве принадлежит окончательное утверждение на сербской земле православия. Дело заключается в том, что до Великой схизмы (разделения Католической и Православной церкви в 1054 году) сербские земли были под юрисдикцией папы Римского. Святитель Савва вывел Сербию из-под власти Папы, чего Рим сербам до сих пор не может простить.

Кроме того, святитель Савва составил Кормчую книгу, которая на многие века стала основным руководством церковного управления в Сербии, Болгарии, на Руси, в Валахии и Молдавии. В Лицевом летописном своде Ивана Грозного имеется перевод жития святого Саввы в 101 картинке, написанного монахом Феодосием из Хиландарского монастыря (Лицевой летописный свод, книга 4, репринтное издание, Москва, 2022 год, стр. 5 — 126).

Владимир Чугунов

ЗАВЕЩАНИЕ ЗЕМЛИ

Народ, своей земLINE не имеющий, не может называться народом. Народ определяет земля, чадо мое милое. Народ — не кочующее с юга на север и с севера на юг стадо, не стая птиц, чтобы, спустившись на землю, наклеваться зерна, насытиться и напиться.

Человеческие орды, подобным образом кочующие, ещё не являются народом. Они становятся им только остановившись, овладев полями и лесами, реками и озерами, морями и взморьями.

Через Сербию и поныне проходят народы с одного конца мира в другой. Авары и гунны, печенеги и куманы, а с ними немалая часть иных народов грозно пронесли по нашей земле устрашающими потоками. Но, чадо мое, те потоки не стали реками. После них оставались только следы разрушения. Рождались они в одном конце мира, а умирали в другом. Из одного источника дважды воду ни разу не пили. Никогда не ночевали там, где дневали. Не зимовали там, где бывали летом. В земле, в которую они вторгались, им принадлежали одни дороги. Поля и леса, реки и горы, города и веси принадлежали обитавшим там до их прихода и выжившим после их ухода.

Чадо мое, эти орды станут народом, когда будут рождаться и умирать на одной земле, когда на этой земле начнут сажать и сеять, а затем собирать и молотить, а не отбирать плоды чужой земли. Запиши это, чадо мое, пусть запомнит народ наш, в судьбе и крови которого дороги и переселения. Запиши, чадо моё, что земля, как жена, принадлежит тому, кто оставляет в ней семя, её оплодотворяющее, и кому она рождает. И запиши, чадо мое, так: землю нельзя, как жену, умыкнуть и взять с собою в дорогу. Если хочешь, чтобы земля стала твоей, ты должен на ней остановиться навсегда.

Народы, ворвавшиеся в какую-либо землю, чтобы её ограбить, сжечь и разрушить, этой землёй не владеют. Мы же давно пришли на эти земли, чтобы заселить, обрабатывать и владеть ими.

Чадо мое, столетиями мы уже здесь, а в нас ещё не утихомирилось влечение к странствию. Везде мы есть. Кипит и переливается народ наш, растекаетсяво все стороны как молодое вино.

Ещё не держит нас земля, а мы не ведаем, как держать её. Боюсь порой, чадо мое, как бы мы не рассеялись по иным, твёрдо стоящим на своей земле народам, не растеклись, как вода с гор, по чужим рекам и не исчезли в них, словно нас никогда и не бывало.

Никогда не отделяйтесь от земли и никогда не отделяйте землю. Соберите все наши земли и соберитесь все вместе на этой земле. Не отрывайте себя от земли и не отрывайте землю ни для себя, ни для другого.

Если у народа есть мать, то его мать — земля, на которой он живет. Она постоянно рождает и кормит нас. Земля есть вечная родительница народа. Берегите её и любите, чадо мое. Любите не только её поля и горы, реки и моря, но и каждую пядь, каждую горсть. Вы должны знать, чадо мое милое, что в той горсти, что на ладони умещается, заключена вся земля. А потому возьмите свою землю в ладони и не выпускайте никогда и ни за что из рук своих, ибо вы с той горстью земли в руках — народ, а без той горсти, с пустыми руками, вы всего лишь странники между народами.

ЗАВЕЩАНИЕ КРОВИ

И запомни, чадо мое, кровь тоже определяет народ, потому что она — вечна. Кровь новорожденного насчитывает тысячи лет. Дитяtko молодо, а кровь в нём — та, что тысячелетия текла по жилам предков. Люди рождаются и исчезают, а кровь остаётся. Она переливается из одного человека в другого. И моя кровь, чадо мое милое, течёт в твоих жилах. И не надумай ты идти по жизни не телесными и кровными, а духовными путями, и твоя бы кровь текла в детях твоих. Но у тебя имеются твои великие духовные чада, и они пронесут имя твоё сквозь века.

Чадо мое милое, как большая река течёт сквозь ущелья в поля, так и кровь сквозь времена течёт и переливается из поколения в поколение, из века в век. Что же тогда человек, как не малый сосуд, в котором вечная и святая кровь предков передаётся из поколения в поколение.

Вот почему кровь принадлежит не человеку, а народу. И никогда не проливается ради одного, а ради в сего народа. Вот почему приходит время, когда не спрашивают, кто ты такой, а чьих ты кровей: сербских, угорских, греческих, аварских. В тяжёлую годину, когда все языки замолкают, кровь начинает говорить языком предков. И тогда не спрашивают, кто ты такой, а чьих ты кровей.

Чада мои, по крови моей и духу моему, никогда не питайте ненависть к чужой крови, тем более к братской. Кровь человеческая — святая, и во всех народах течёт из одного источника. Всем она дана Богом и прародителем нашим Адамом.

Ничью кровь не проливайте за то, что она из чужого племени или народа. Но, чада мои, яростно защищайте кровь свою, ибо в ней кровь

наших предков. Никому не позволяйте проливать нашу кровь, ибо она сербская.

Всем миром на войну идите и войной мир крепите. Любовью на любовь отвечайте и кровью кровь сербскую защищайте.

ЗАВЕЩАНИЕ МОГИЛ И КОСТЕЙ

Могилы и кости, чадо мое, тоже составляют народ.

Не знающие своих могил и костей никогда не станут народом. Они более уподобляются волкам и лисам, не имеющим своих кладбищ. А кладбища, чадо мое, это тихие селения, в которых под землёй до поры до времени пребывают наши покойники. Могилы — это мирные постели, в которых веками спят в непробудном спокойствии тела наших предков. Народ составляют не только живущие на земле, идущие по ней и творящие на ней, но и все в ней упокоившиеся, ибо без того, кто под землей, чадо мое милое, даже самого незначительного и безымянного, не было бы и сущего на земле — ни знатного, ни именитого.

Как ниву не составляет один урожай, так и народ не составляет одно поколение. Один укос не составляет луг, и не может его уничтожить одна косьба. Что для луга один укос, то для народа одна битва или один мор. Народ подымается и ниспадает укосами смерти, как трава, и вновь пышно вырастает из земли и разрастается новыми поколениями.

Запомни, чадо мое, что наши кладбища являются святищами метками нашего народа и святейшими пограничными знаками нашего отечества.

Если никто из живых не сможет сказать тебе, до каких пор простираются твоя земля и твой удел, ищи кости и могилы, и мёртвые тебе возвестят правду.

ЗАВЕЩАНИЕ НЕБА И ЗВЕЗД

Есть нечто на земле невозможное, без чего человек и народ обойтись не могут, а если могут, чадо мое, то это не люди и не народ. Есть нечто, чадо мое, что не вспахать, не выковать, не покрыть листвою, не увидеть во сне, не выразить языком, не постичь умом, даже не поразить мечом и ни одним сказанием не высказать. Есть нечто на земле невозможное вовсе. Но каждый человек и каждый народ имеют над собой свои небеса, в которых они имеют то, что нет на земле. Там у них есть всё, чадо мое, всё, что не растет на лугу, не куется в кузнице, не зеленеет в лесу, не горит в огне, не приснится во сне, не выразится языком, не постигнется умом, не поразится мечом и сказанием не выскажется.

Воистину, там у них есть всё, чего нет на земле. Ибо там всё возможно. Но, чадо мое, это не каждому ведомо, и не каждый это видит.

Это под силу только пророку и тайновидцу, ведающему тайны неба и сокровенные пути звёзд, высоко, глубоко и далеко видящему.

Под силу это под небом ходящему, небославящему и от неба глаголющему, а также неболюбящему и небом любимому, по небу плавающему и небом рожденному. Ещё бы надо прибавить и всех иных неболюбных и неболепных, небодарных и небоприимных, небозванных и небовидных, а также всех одухотворенных чудачков и храбрецов, мудрецов и блаженных, мучеников и счастливых, которые знают, как вознести землю до небес, и которым по силам преклонить небеса к земле.

Эти люди ведают, как отворяются небеса. Вверху, чадо мое, есть нечто, чего на земле не имеем. Вверху имеется всё, чего мы чаем. И запомни, чадо мое: человеческое тело — на земле, душа же его обитает на небе. Так и тело народа обитает на земле, душа же его обитает на небе.

Народ, не имеющий душу, не имеет и своего неба. Небо — не пустота, а живая бездна. Для кого небо пустое, тот души не имеет.

Вот почему говорю тебе, чадо мое милое, что до тех пор нет народа, пока не добьется он своего царства на земле, ЦАРСТВА ЗЕМНОГО, и нет народа, который своих небес не стяжает, не стяжает ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО. Есть люди, принадлежащие только земле. Эти земные уходят в землю. А появляются люди, либо рождаются, ведающие, КАК ТВОРИТЬ НЕБЕСНЫЕ ДЕЛА НА ЗЕМЛЕ И ЗЕМНЫЕ ДЕЛА ВОЗНОСИТЬ ДО НЕБЕС. Они принадлежат небесам и восходят к небесам и звёздам. Сколько их уже там, стоит лишь в безоблачную ночь глянуть на небо.

Их там больше, чем на земле.

И больше их в земле, чем на небе.

Потому иговорю тебе, чадо мое милое, что не составляют народ только живущие на земле, но и те, что в земле и на небесах. Народ всегда живёт между своими небесами и могилами.

ЗАВЕЩАНИЕ ЯЗЫКА

Берегите, чадо мое милое, язык, как землю. Слово можно потерять, как город, землю или душу. Ибо город заново возведёшь и построишь, а живой язык никогда не вернётся. А что за народ, потерявший язык, землю или душу? Не принимайте чужого слова в уста свои. Примешь чужое слово, знай, что не ты присвоил его, а сам сделался отчужденным. Лучше тебе потерять самый большой и укрепленный город своей земли, чем самое малое незначительное слово своего языка. Земли и державы покоряют не только мечом, но и языком. Знай, что враг тебя настолько завоевал и покорил, сколько твоих слов истребил и заменил своими. Народ, лишённый родной речи, перестаёт быть народом. Существует болезнь, чадо мое, поражающая язык, как зараза поражает тело. Я помню подобную заразу и мор языка. Чаще всего это бывает там, где народ соприкасается с другими народами, где язык одного народа притирается к языку другого.

Два народа, милое мое чадо, могут сражаться и мириться, но их языки никогда примириться не смогут. Два народа могут жить в полном согласии, но их языки могут только соперничать. Когда встречаются или смешиваются два языка, они уподобляются войскам в битве не на жизнь, а на смерть. Пока в этой битве слышен тот и другой язык, битва равноправна. Который из них станет громче и лучше слышимым, тот и возобладает. Когда слышен только один язык, битва заканчивается. Когда исчезает один язык, исчезает и один народ. Знай же, чадо мое, что битва между языками длится не день, не два, как битва между войсками, и не год или два, как война между народами, а целый век или даже два, что для языка такая же малая мера времени, как для человека одно или два мгновения. А потому, чадо мое, лучше проиграть все битвы и войны, чем потерять язык. Если язык утерян, нет больше народа.

Человек учит свой язык год и помнит его, пока жив. Народ не забывает свой язык, пока существует. Чужой язык человек учит тоже год. Столько же ему понадобится, чтобы отказаться от своего языка и принять чужой. Чадо мое милое, этой есть та зараза и гибель языка, когда друг за другом люди начинают отказываться от него и принимать чужой либо по собственной воле, либо по принуждению. И сам я, чадо мое, в моих войнах использовал язык как самое опасное оружие. И я пускал заразу и мор на чуждые языки перед моими полками. Во время осад и потом посылал я пастухов, крестьян, ремесленников и бродяг, чтобы наводнили чужие города и сёла в качестве слуг, рабов, торговцев, разбойников, блудников и блудниц. После этого мои полководцы и полки приходили в уже наполовину завоеванные города и земли. Больше земля завоевала языком, чем мечом.

Остерегайтесь, чадо мое, иноязычников. Они приходят незаметно, не ведаешь, когда и как. Они тебе кланяются и сторонятся на каждом шагу. Только потому, что не знают твоего языка, они подлизываются и ласться к тебе, как это делают псы. Никогда не знаешь, что они о тебе думают, и не можешь знать, ибо они обыкновенно молчат. Пришедшие первыми выведать, что и как, извещают они остальных, и тебуквально за ночь приползают нескончаемыми полчищами, словно нашедшие еду муравьи. И ты утром оказываешься окружённым толпой иноязычников. И тогда запоздало осознаешь, что они — не немые, имеется у них и язык, и песни, и свои хороводы, и обычаи. Они становятся всё громче и шумнее. Больше не умоляют и не просят тебя, а требуют и отбирают. Ты остаешься у себя, но уже на чужой земле. И нет у тебя иного выхода, как только гнать их или бежать самому — смотря что тебе по силам. На таком образом завоеванную землю иноязычникам войска не надо направлять. Их войска туда приходят, чтобы взять уже языком завоёванное.

Язык, чадо мое, твёрже любой крепости. Когда враг прорвёт твой последний оплот и крепость, не отчаивайся, но смотри и слушай, что стало с языком. Если язык оказался нетронутым, не бойся. Пошли лазутчиков и торговцев, пусть исколечат города и веси, пусть прислушиваются. Там, где звенит наше слово, где всё ещё гремят глаголы, где всё ещё, подобно старому червонцу, в обороте наша речь — знай, чадо мое, что там ещё наша держава, кто бы ею ни правил. Меняются цари, гибнут державы, а язык и народ остаются, и захваченная часть земли и народа рано или поздно воссоединятся с родным языком и родной землёй. Запомни, чадо мое, что любое завоевание и отделение не так опасно для всего народа, как для одного поколения. Это может навредить только одному поколению, но не всему народу. Народ, чадо мое, долговечнее одного поколения и любой державы. Рано или поздно народ воссоединится, как вода, как только рухнут разъединяющие его плотины. И язык, чадо мое, та же вода, одна и та же с обеих сторон плотины тихая и могучая сила, подмывающая берега и вновьвоссоединяющая народ в одно отечество и в одну державу.

ЗАВЕЩАНИЕ ЦЕРКВЕЙ

Когда человек строит дом, то строит его не для себя, а для своих детей и внуков. Так возникают семья и хозяйство. Когда правитель строит церковь, то строит её не для себя, не для своих детей и внуков, а для всего народа, чтобы в неё ходили века. Так утверждается держава. Дом есть то, что остаётся после человека. А церковь — то, что остаётся после правителя. Дом остаётся детям, а церковь — народу.

Церковь, чадо мое, это большой корабль или ладья, плывущие к глубоким, далеким и неведомым нам временам и людям. В какой бы век они ни приплыли, доставят и нас и покажут ещё неродившимся потомкам. Счастлив я и спокоен, чадо мое, что теперь моя Студеница отчалила в века. Во всемирном потоке времени лишь такие ладьи, подобно Ноеву ковчегу, способны спасти нас от величайшей из всех бездн — забвения. А мы, чадо мое, построившие церкви, будем в них времяплавателями на этих больших ладьях. Аз Неманя сын Завиды, и аз Стефан, жупан великий, и аз монах Симеон плачу и скорблю о тех дивных людях, чьими потомками мы являемся, что они не смогли на своих бранных зданиях добраться до наших дней. Их лачуги и хижины были недолговечнее их самих и не смогли донести их до наших дней. Их исполинские образы мы смутно угадываем сквозь неясные очертания сказаний и песен.

Мы же замурованы в своих церквях, способных вынести страшные удары времени. Сплошь и рядом камень да мрамор, и тверже их на свете нет. Мы себя замуровали в своих церквях, записав свою веру и начертав свои образы в них. Наши даёкие потомки узнают нас в Студенице.

Они узнают, кто мы и каковы мы. И чадо мое, они будут гордиться тем, что мы есть у них, доподлинно ведаю, что — будут. Они будут гордиться тем, что являются племенем Неманичей.

Чадо мое, когда задумал сооружать Студеницу, тебе было всего восемь лет от роду. Спросил я у зодчего, сколько ему нужно времени, чтобы возвести церковь.

— Семь лет, — ответил он.

— Много, зодчий!

— Если я буду тебе строить её менее семи лет, то простоит она менее семи веков.

— А за какое время, зодчий, люди смогут разрушить её?

— Люди — за семь дней, а время — за семь веков, великий жупан. Но твоя Студеница и через семь дней, и через семь веков не исчезнет, потому что я буду строить её величественной и прекрасной.

Итак, чадо мое, стройте на сегодня, стройте на завтра, стройте на века. Если строить для народа, то возводимое должно быть долговечным и крепким, как сам народ.

ЗАВЕЩАНИЕ ДЕРЖАВЫ

Держава и народ — не одно и то же. Народ старше державы. Он старше всего. Народ долговечнее державы. Существует прежде державы и остается после неё.

Один народ может населять несколько держав, и одну державу могут населять несколько народов. А теперь слушай меня внимательно, чадо мое. Один народ, одна держава — таким был, есть и остается мой замысел, и я всем вам его завещаю отныне и во веки.

У сербов пока нет своей державы, рассыпались они по иным, чужим державам. Славяне своим множеством населяли землю от северных до южных морей. Они могли стать величайшей державой на земле и крупнейшим народом в поднебесной. Но они были и остаются всего лишь множеством в чужих державах.

Каждое наше племя борется за то, чтобы создать свою державу. Великий славянский народ раздробился на малые народы и небольшие державы. А небольшая держава на свете, как и малая рыба в море, служит для того, чтобы её поглотила большая. Что такое великие державы, если не большие рыбы, наглотавшие малых? Сербия, чадо мое, была крохотной державой в чреве великой Византии. Всегда — в утробе великих держав. Стоило одной из таких хищниц отгрызнуть нас либо нам самим выбраться из утробы, тут же другая хищница проглатывала нас. А величайшей бедой нашей было то, что каждый на своём холму и в своей долине желал свой удел превратить в самостоятельную державу.

Чадо мое, я же задумал создать державу для всех сербов, и я её создал. Не королевство, не царство вам оставляю. Нас, сербов, достаточно и для королевства, и для царства. Я же создал великую жупанию, перед твердыней которой останавливались и отступали великие и малые царства и королевства. В моей державе не может каждое село грезить о собственном царстве. Теперь, чадо мое, у нас есть своя малая держава, утвержденная собственной силой и запечатанная царскими и королевскими грамотами. Берегите её, расширяйте и укрепляйте. Есть у вас, куда её расширять и есть с кем укреплять. Повсюду вокруг вас, в чужих державах, живут единокровные и единойзычные соплеменники. Нас, сербов, больше вне пределов нашей державы, чем внутри неё. Это означает, чадо мое, что держава моя — только почин. Подобно тому, как во время родов сначала появляется детская головка.

Чадо мое, после начала схваток у роженицы сначала появляется головка младенца, а уже потом поочередно и остальные части тела. Так РОЖДАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК! Пробудятся исконные стремления многих по-

колений и племен одной крови и языка, и тотчас начнут они собираться в одну державу. Так РОЖДАЕТСЯ НАРОД!

Подходит, чадо мое, к концу жизнь моя, и я могу объявить самую радостную весть: рождается великое чадо моё — Сербия! РОЖДАЕТСЯ СЕРБИЯ!

ЗАВЕЩАНИЕ ВЛАСТИ

Когда я родился, то имел всё, а нарекли меня Неманей, ничего не имеющим.

В Сербии, чадо мое, лучше быть нищим, чем царём. Везде так бывает. Умирает царь, приходит другой, его убивает третий, третьего свергает четвертый, а пятого свергает шестой, и так продолжается, пока есть цари и царства. Но хуже всего, когда нет ни царства — ни царя, ни королевства — ни короля, ни власти — ни правителя, а только дерзкий и норовистый народ, наподобие нашего, готовый опрометчиво любого принять в цари и господа, и ещё опрометчивее сбросить и отречься от них, как от прокаженных.

С нищим подобного не бывает.

Чадо мое, имел я и счастье и несчастье править Сербией. Пределом моих желаний было стать великим жупаном, магалюупаносом, что зачастую по сути только означало быть великим слугой великих царей. Чужие цари и короли не давали нам учредить собственного королевства и царства. Величайшая царская милость начиналась и заканчивалась тем, чтобы мне, великому жупану, позволить управлять тем народом, с которым сами справиться не могли, ибо никогда не могли нас ни покорить, ни признать равными себе.

Им нужен был кто-то, чтобы вместо них возился с этим дерзким и упрямым народом, чтобы собирать из него войска для войн, взимать с него дань и как великой непробиваемой живой стеной ограждать им от иных народов на границах своего царства. Пока это делаем — мы добрые, можем быть и великими жупанами. Но стоит нам подумать о себе и своей державе, они тут же приходят с большими войсками наказать нас и показать нам, кто государь, а кто слуга в нашей родной земле. И, когда идут в поход на Сербию, больше надеются на наших полководцев, чем на своих. Впереди своих войск они отправляют гонцов, оглашающих, что царь свергнет великого жупана, а на его место поставит того из полководцев сербских либо князей, кто ему больше всех поможет.

Тогда сербские полки один за другим переходят на сторону царя, а великий жупан бежит с горсткой сторонников в дремучие леса и пещеры либо ищет защиты у другого царя. Сербского государя не признает никто — ни царь, ни король, ни папа, ни патриарх, ни чужой, ни брат, ни даже последний лапотник. В Диоклитии жил такой убогий лапотник Блаж. Но даже этот нищий лапотник не признавал меня. Надоели лапотнику шило и лапти, и подался он в леса и на столбовые дороги, собрав многочисленную дружину на подбор, как и сам. Задумал Блаж-лапотник короноваться и овладеть не только лесами и столбовыми дорогами, но и всей державой.

Чадо мое, если подобное задумал лапотник, как не задумать князю и воеводе? Под конец всё осталось как прежде, только шило осталось без лапотника, княжества без князей, войска без воевод. Бог и все святители помогали мне.

Чадо мое, что иное есть наша история, если не постоянная череда поставлений и свержений правителей да бесчисленные попытки учредить власть и державу? Когда я родился, имел всё, а нарекли меня Неманей, ничего не имеющим. Другое моё имя — Стефан, венценосец, Стефанос, увенчанный, а мою голову не осенили ни венки, ни корона. Теперь я Симеон-монах, а из всего имущества осталось одряхлевшее тело, а от вла-

сти — нагая душа. Теперь это тело предаю земле, по которой оно ходило, душу же свою грешную оставляю тебе, чадо мое, чтобы ты молитвами своими очистил её от грехов перед Судией Небесным.

ЗАВЕЩАНИЕ КНИГИ И ПИСЬМА

Народ, не имеющий своих книг и своего письма, своих книгописцев и своих книголюбов, не может называться народом. Произнеси, чадо мое, величайшее наше слово, произнеси СЕРБ и скажи мне, сколько в твоих ушах это слово длится. Мгновение. Произнесённое слово длится, пока произносится, и сразу исчезает, как дыхание из породившей его груди.

Только написанное слово остаётся.

Скажи АЗ, БУКИ, ВЕДИ, ГЛАГОЛ, и все эти слова улетят, как птицы в стае, едва ты их произнесёшь. А напиши их на камне, на древе, на оленьей шкуре либо на недолговечном папирусе, и всегда найдёшь их там, где оставил. Написанное слово долговечнее произнесших его уст, и огласившего его горла, и внявших ему ушей. Оно вековечно. Когда его тысячелетие спустя найдут немым на бумаге или шкуре — оно заговорит. И я, чадо мое, видел и читал книги древние, написанные тысячу лет назад. И сам ты читаешь книги, вышедшие из главы, давно ставшей прахом либо превратившейся в голый череп. От нас, чадо мое, останется только записанное в книге.

Теперь мы шарим во тьме прошлого, ища в далекой истории что-нибудь о нас, сербах, и не находим и следа, ни слуху ни духу о нас. Будто нас и не было. А были мы и тогда. Не будь нас тогда, не было бы нас и теперь. И мы, сербы, являемся детьми Адама. Мы были, но мы не записаны. Только записанные народы входят в историю.

Скажу тебе, милое мое чадо, что беседа — это разговор с мгновением, а писание — разговор с веками, и мы должны начать наш великий разговор с нашими потомками во веки веков. ВО ВЕКИ ВЕКОВ, чадо мое. Буква — это чудное семя, а письменна — лучшие сем ена любого народа. Прорастают из бумаги тысячелетия спустя и расцветают в голосе и слове, в изображении и сказании, в мыслях и чувствах, и даже в сердцебиении.

Чадо мое милое, что народ не может сделать мечом и оралом, может книгой и писалом. Борозды, оставляемые писалом из сухого тростника или лёгкого пера орлиного, гораздо глубже оставляемых оралом и мечом. Говорить — значит проходить, писать — значит остаться.

Народ без своих книгописателей и книголюбов не имеет своей истории в прошлом и жизни в будущем. Мы иногда бывали записаны чужой рукой в чужих книгах и чужим письмом. А перо в чужой руке, чадо мое, опаснее меча. Мы станем народом, когда своей рукой запишем себя в своих книгах, своим языком и своим письмом.

Хороший книгописец дороже трёх яростных воевод и трёх больших городов. Хороший воевода может взять любой город, другой может его отобрать. Книгу же никому и никогда не покорить — многие земли и города сберегла книга в своей твёрдой обложке.

Чадо мое, рука твоя искусна и умела с пером и бумагой. Бог тебя ода-рил и предопределил первым искусно записать нас в книге. Запиши нас в книге народов на этом свете — пусть векам будет известно, что мы были, есть и будем.

ЗАВЕЩАНИЕ ПЕСНИ И МУЗЫКИ

И песня, чадо мое, песня и музыка составляют народ. Каждая птица своим голосом поет. И у каждого народа есть свой голос и своя песня, по которым его распознают. Когда встретишь чужеземца, никогда не спрашивай, кто он и откуда. Пусть споёт или сыграет, и этим всё будет

сказано. Сразу поймёшь: болгарин он или грек, прибыл из Венгрии или из заморских земель. Если не сможешь распознать его речь, то песню и музыку всегда поймешь. Гусли и свирели, трубы и гудки*, цитры и дудки на всех языках мира говорят.

Как птица никогда не меняет своего пения, так и любой народ не может петь чужим голосом и чужую песнь. Что будет, чадо мое, если соловей станет каркать, а ласточка гавкать? Это неестественно и не богоугодно. Пусть орёл клекочет, сыч ухает, а каждый народ поёт свою песню своим голосом.

Неплохо, чадо мое, слушать и знать чужие песни, но плохо забывать и не знать своих. Горе тому, кто не поёт своих песен.

Песня — это чудо, сын мой. В крошечной свирели, величиной с детский пальчик, можешь взять с собой в путь всю Сербию. Наши полки, караваны и корабли носили её от Испании до Персии. Если в Царьграде я хотел узнать, есть ли серб на базаре, то посылаю туда свирельщика. И диво дивное, она привлекала каждого серба, оказавшегося на чужбине. Узнавали они свою мелодию в толчее торжища и подходили как замороженные. **КРЫЛЬЯ БОГ ДАЛ НЕ ЧЕЛОВЕКУ, А АНГЕЛУ.** Вместо крыльев Бог дал человеку песню, чтобы на ней **МОГ ЛЕТАТЬ, КАК АНГЕЛ.** Если есть что-либо в человеке ангельского и божественного, то это песня. Песня бесплотна, как душа человеческая. В песне душа народная обитает. Тело человека тяготеет к земле, а душа и песня устремляются в небесную высь. Песня витает над **ПЛОТЬЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ.** Всё, что ни в сказке сказать, ни пером описать, обитает в песне и музыке. Вот почему песню и музыку словами не передать. Песню можно только услышать и почувствовать душой, из которой она излилась. Подобно весеннему ветру песня летает высоко над землёй и парит над водами. Она — крылатый дух, душа человека и народа. Незримое трепетание песни проникает сквозь любые крепости и стены. Крепостей для неё не существует. Она проходит через замочные скважины и закрытые окна. Слышал я, как песня незримо выходит из темниц, минуя неусыпную стражу. И сам я часто выпускал её из темниц на свободу.

Чадо мое, Сербия там, докуда доносится наша песня и музыка. И запомни, что нет границы народа и державы тверже этой воздушной струи музыки из свирели. Каменные крепости и города завоевывают и разрушают, зарастают травой и кустарником, дома и дворцы превращаются в пепел. Единственной нерушимой границей и крепостью народа является песня и музыка. Их не видишь, но слышишь. Они не зрима, а есть. Неосязаемы как душа. Мечом не зарубить, стрелой не поразить, копьём не пронзить. В огне не сгорят, в воде не утонут.

А потому любите, чадо мое, свою песню и музыку, как свою душу. И зорко следите, чтобы перед вашим домом никогда не звучала чужая песня, не водили чужой хоровод.

ЗАВЕЩАНИЕ КРЕСТНОЙ СЛАВЫ

Славьте, чада мои, сербскую крестную славу на многая лета и во веки веков.

Знайτε, что только мы, сербы, крестную славу имеем, и по ней нас узнают.

Всегда имейте в своем доме своего святого заступника перед Богом. Пусть во веки веков возносится наша славская здравница: счастливой крестной славы тебе, хозяин!

Ты, серб-хозяин, по праздникам ходишь в церковь к своим святым и священникам. На твою крестную славу твои святые и священники приходят в твой дом, ко всем твоим домочадцам. И дом твой становится малой церковью, твоим малым Божьим храмом, в котором ты

* Гудок — смычковый музыкальный инструмент восточных славян.

священнодействуешь как патриарх и прислуживаешь званым гостям как царь.

В день крестной славы твоей славославящий дом имеет все, что имеет церковь: — икону, свечу, лампаду, кадило, ладан. И священнодействующего. Крестная слава, чадо мое, есть собрание всех домочадцев твоих, как живых, так и почивших, прежде тебя ту славу славивших. Твоя слава есть святое деяние, домашнее и племенное. Она есть соборное сретение с самим собой и со своими ближними, с Богом и святыми, у домашнего хлеба и очага, между основанием и кровлей дома твоего. На славе находятся с тобой друзья и родственники, предки и святые. Оставь место за столом и для своих не родившихся потомков, пусть будет место, где они могут сесть, когда придут. Ты же, хозяин, будь в середине, между предками и потомками, а над всеми вами святые угодники Божьи.

Раз в году, в день твоей славы, славославящий хозяин, святые спускаются с небес, чтобы с тобой и твоими гостями посидеть и побеседовать, чтобы попеть и помолиться, а потом вернуться своими небесными тропинками к своим делам. Куда они придут в это лето, туда приходит «многая лета», куда придут в этот год, туда придут и в следующий, на годы долгие, пока есть мы, сербы, на земле и наши святые — на небесах. На славе рядом с нами за трапезой сидят евангелисты и апостолы, почивают под нашей кровлей пророки и мученики, поют с нами ангелы и архангелы, на страже стоят у нашего порога и нашей межи стратилаты со святыми воинами Господа и Бога нашего Иисуса Христа. Не дай, хозяин славы, лукавым хулить славу, будто слава твоя безбожная и дохристианская. Я тебе ручаюсь, что слава твоя — и христианская и дохристианская, Божья и стародревная, из наших сербских времён стародревних, из святых времён христианских. Наши провидцы и пророки и до Христа были предтечами Его прихода на землю, как Предтеча Иоанн. И нам стародревние христовидцы возвестили о приходе Господа нашего Иисуса Христа, как иудейскому народу его пророки. Всё, что ведали и поведали святые старозаветные пророки, также ведали и поведали нам наши святые стародревные пророки и провидцы.

Мощью пророчества Бог в равной мере одарил все народы. Господь наш пришёл не только в Палестину, нек одним иудеям и палестинцам, а ко всем землям и народам, им созданным. Так и народ наш вышел из руки Божьей, представ пред Сыном Его со своим языком и своими обычаями. И принял Господь нас в Царство Свое такими, какими нас сотворил. Следите, чада мои милые, чтобы наша славская свеча никогда не погасла, ибо в ней сияние душ наших. Пусть сербы всегда славят свою крестную славу во веки веков, пусть всегда она будет и останется навсегда по закону Божьему и обычаю сербскому. Счастливой тебе славы, чадо мое, серб, и ныне и присно, и во веки веков, аминь.

ЗАВЕЩАНИЕ ИКОН

Чти, чадо мое, икону и иконописца как святое творение и святого творца. В иконе все силы небесные торжествуют и священнодействуют. В иконе образы Вседержителя Неба и земли, Богородицы, Путеводительницы, ширшей небес, архангелов и ангелов, серафимов и херувимов, святых небожителей, подвижников и мучеников. Любите, чадо мое, и древо, на котором икона изображена. Благодарите на горе чернильный дуб и вяз. Благодарите липу и осину в долине, черешню и орех у околицы, из земли устремляющие стволы к небу, несущие в своих стволах доски для столешницы и лавки, миски и ложки, прялки и колыбели, и дощичу для иконы.

Хвала топору и дровосеку, строгальщику и резчику. Хвала золотарям и оправщикам драгоценных камней. Хвала украшающим икону и серебром, и золотом, и драгоценными камнями, вставляющим агат и из-

умруд, порфир и рубин, поданные дланью почтенных жертвователей, грешных самодержцев русских и бояр, ромейских царей и сановников, сербских вельмож и жупанов.

Вознесите хвалу, чадо мое, и обрамлению иконы, будь оно из сухого дерева или из чистого золота, ибо обрамление есть окно в небо, открытый проём, через который просматриваются Небеса и Небесные селения.

Вознесите хвалу оку и длани иконописца. Чадо мое, у иконописца творческая мощь, данная Господом. Созданный по образу Божьему, он изображает на иконе Господа по образу человеческого. Икона есть место соприкосновения десницы Господней с дланью человеческой.

Хвала иконописцу и живописцу, из земли и растений и радуги небесной извлекающих и смешивающих краски на палитре и живописующих лики и обличия святых.

Оку и длани да будет хвала, в колыбель доски укладывающим иконописный Лик и Тело Господне. Иконописцу ведомо, как снимать кистью круги золота с солнца и обрамлять ими главы святых, как сияния звёзд переносить в их очи, как мягкостью теней облагораживать морщины их лиц.

В их мысли он вмещает высоту неба и глубину морей, а в скорбь — блеск молнии и мрак ночи. Воздайте хвалу благолепию красок из багрянца и зелени лесной листвы.

Воздайте хвалу капле пота с чела, капле крови из жил, за кровотокающую рану, за слезинку, росинку, каплю желтка из скорлупы, каплю масла из маслины и за каплю солнца на кончике кисти и пера. За голубую капельку неба воздайте хвалу, за изумруд в капле моря, за рубин в капле вина. Иконописец, чадо мое, есть дивный швец златотканых одеяний и риз на иконах. Ножницами своих начертаний он кроит на иконе убор из тонкого шелка и складки в сукне. Иглами своих перьев он украшает золотом расшитый епитрахиль, мантию, митру и рясу. Накладывает кистью химатион поверх хитона, ткёт красками торжественное облачение, омофор схерувимами на плечах. Облачает святые тела в длинные стихари, которые на иконах носят святители, диаконы и чтецы. Порфирными складками обвивает коричневым омофором благословенное плечо Богородицы и на Её чело своей рукой спускает небесную звезду. Иконе внимают как молитве. Когда умолкнет пение и затворятся уста, подойди к тишине иконы. Икона есть молитва без слов и пения. А потом, чадо мое, опустишь на колени перед иконой, как перед Ликом Господним, с глазу на глаз, лицом к лицу, телом напротив тела. Тогда узришь Господа умными очами, а Он узрит тебя. Икона есть твоё сретение с Господом. В уединении она есть твоё созерцание Бога. И твоё соприкосновение с Ликом и Телом Его. Подойди к иконе, подойди и перекрестись, опустишь на колени, помолись. Приложись к образу Господа Богатвогого.

Ты взывал к Нему и Он тебя зовет. Ты пришёл к Богу, и Он сошел иконой к тебе.

Останься с Ним в иконе, и Он никогда не уйдет с иконы твоей. Будет всегда с тобой, в твоих очах и твоей душе. Икона в храме твоём, икона в доме твоём, икона в руке твоей, а ты в руке Божьей. Икона в очах твоих и ты в оке Божьем.

Икона — твоя молчальница, моление без слов и пения. И я, Савва, возлюбленное чадо мое, чтил иконы всю свою жизнь. Икона Пресвятой Богородицы всегда со мною была. Ходила она со мной не раз в обход и поход, на войну и на примирение. На верху древка хоругви носили её мои копейщики в боях. Многие брани она видела, многие победы и поражения мои. Мои грозные полки опускались на колени перед ней и молились о победе и прощении, за победителей и побежденных.

А теперь даю тебе, чадо мое милое, последний завет свой. Чадо мое родное, когда настанет час исхода моего, будь любезен, положи меня на рогожу для погребения моего, каково мне и подобает в могиле лежать.

Подай мне икону Пресвятой Богородицы, ибо дал я обет перед ней испустить дух мой.

И положи камень под главу мою, чтобы я тут лежал, дондеже Господь посетит меня и возьмёт отсюда.

А вы, чада мои дорогие, оставайтесь с Богом и с иконами, как и они с вами, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

ЗАВЕЩАНИЕ СЕРБСКИХ ИМЕН

Берегите, чадо мое, сербские имена. И по именам узнают народ наш среди других народов. Имена наших отцов и матерей, наших братьев и сестёр, наши собственные имена, сыне мой Растко, также являются святыми, как и те имена святых, которые теперь носим.

Священники греческие и латинские горазды нарекать нас чужими именами. Горазды искоренить любое имя сербское, любое семя сербское. А что случится, если все сербы только именами святых нарекутся? Боюсь, тогда больше не будет сербов. А вера наша не для того, чтобы искоренить сербов, Сербию и всё, что есть сербского, а чтобы их укрепить. Сербские имена прекрасны!

Возьми, чадо мое, любое сербское имя. Возьми, например, Добрашина. Что недостает нашему Добрашину? Есть в этом имени много доброго, и даже более того, ибо не будь так, был бы он просто Добро. Так и наше имя Добрило означает нетолько, что он сам добрый, но и других делает добрее. Как же нам, чадо мое, обойтись без нашего Добры и Добраша, Добрашина и Добреши, Добрицы и Добрихны, Добрила и Добромила, Добримира и Добринко, Добриши и Добривоя, Доброи и Доброе, Доброхвала и Добролюба, Добромира и Доброни, Доброслава и Доброты? Народ, имеющий столько доброты в своих именах, может быть только Божиим народом. Именами своими они берегут доброту, жаждут её и разносят повсему миру. Нам нельзя отнимать у них эту доброту, задевать их за душу. В именах — душа народная. Не говорю, чадо мое, что не надо нашему народу давать имена святых. Надо, но не всем и не насильно. Потихоньку и понемногу, как закваску и соль в хлеб кладут, чтобы поднялся и стал вкуснее. Даже хлеб, содержащий через меры соль и закваску, для еды не годится.

Мы, чадо мое, начали великую войну за веру и Сербию. И в этой войне мы не должны заполучить веру и потерять Сербию.

Боже, что же мы делаем? Отнимаем у этого народа его старую веру. Запрещаем его старинные обряды и обычаи. Душу его выворачиваем наизнанку. Начинаем заменять его имена чужими, хотя бы и святыми. Боже, останется ли что-нибудь от сего народа? Останется ли вообще народ по свершении всего задуманного нами? Неужели за собой оставим только опустошение и развалины? А разрушать мы должны, разрушать и уничтожать, чтобы можно было потом созидать. Боже, дай нам больше созидать, а меньше уничтожать и разрушать.

Не надо трогать сербские имена. Невинны они и прекрасны. Добавим им изредка святое имя, и будет довольно и Богу и народу. Зачем давать им чужие и нелюбимые имена, о которых им неведомо, кто их и для чего носил. Не надо отнимать у них то, что им милее и краше всего, что им любовь придумывалаа и в имена заключала. В тех именах для них заключена тайна жизни, любви и счастья. Придумали они имена, краше которых на свете нет, прекрасные звуком и богатые смыслом. Будет печально, если в нашей земле не станет Држислава, Воислава и Владимира. Кто нам тогда будет державу создавать, державу защищать и державой править? Что мы получим, если наши простые пастушки и смердки станут Анастасиями, Феодорами, Симонидами, Верониками и Магдалинами, либо иными святыми и святыми царицами? Станут ли они лучше наших Милиц, Даниц, Цвиет или Танкосав? Сколько же радости имеется в Радойке и Радоване, умиле-

ния в Милинке и Милуне, славы в Славне и Славолюбие, тишины в Тияне и Тихомире? Что за пышные косы у Косары, умиление у Миляны и Миляна, благоухание у Любицы и Миомира*, душа у Душана и Душицы. Златко и Злата золотом нас озолотили. Сребренка нас серебром осеребрила. Кто бы нас оборонял, не будь у нас столько Браниславов? Кто бы от нас зло отгонял, не будь у нас Злогони? Былинка не называлась бы так, не будь Биляны. Благности бы не ведали, не будь у нас Блажа, Благое и Блаженки. Кто бы нежность нашу оберегал, не будь у нас Грубы, Грубиши и Грубана? Некому было бы мир любить, не будь у нас Миролюба и Мирослава. Прекрасные песенники можно составить из наших имен, можно ожерелья низивать из наших имен, как из жемчужин! Что же мы делаем?

Поэтому запомни крепко, чадо мое милое: никогда не станем более христианами, если будем менее сербами!

Я восхищаюсь сильной мощью нашего народа всё уподобить себе, всё осербить. Смотри же, что происходит: мы хотим охристианить сербов, а они христианство осербили. Не один народ на свете только принимал и получал христианство. Любой народ также имеет, что дать христианству. И сербский народ имеет тоже. А когда даст это своё, христианство уже не может быть ему чужим, а становится своим. Чем более даёт, чем более от него душою своей воспринимает, тем более народ этот становится христианским. Мне милей осербленный христианин, чем христианизированный серб, ибо на свете много христиан, а только один серб. Многим с востока и запада хотелось бы через христианство нас присвоить и упразднить, и только от нас, чадо мое, зависит в христианстве устоять, оставшись самостоятельными. В этом смысл нашей веры.

Наша вера является христианской, наше христианство — православным, а наше православие — сербским. Так есть и будет. Это — моя вера и мое ВЕРЮЮ.

*Перевод с сербского Савы Росич и Владимира Чугунова.
Редактор текста Владимир Чугунов*